

Музыка и судьба

Galina NEKRASOVA
Iza Davydovna Hantsin
and her contemporaries
*(after materials of the Russian National
Library personal archive collection)*

The article represents some less known facts of the I.D. Hantsin's biography. These facts are analyzed in the wide historical context that demonstrates the interrelations of the outstanding pianist and teacher with many historical persons, among them — O. Mandelstamm and M. Yudina. The article includes a number of materials from rare archival and documentary sources — letters, memoirs etc.

Key words: collection, archive, memoirs, biography.

Галина НЕКРАСОВА
**Иза Давыдовна Ханцин
и ее современники**
*(по материалам личного фонда
Российской национальной библиотеки)*

В статье раскрываются малоизвестные факты творческой биографии И.Д. Ханцин. Эта биография представлена в широком историческом контексте, проясняющем связь судьбы известного педагога и пианистки со многими личностями, среди них — О.Э. Мандельштам, М.В. Юдина. Статья опирается на редкие архивные и документальные материалы — письма, мемуары, воспоминания.

Ключевые слова: фонд, архив, воспоминания, биография.

В связи с предстоящим 150-летием Санкт-Петербургской консерватории особый интерес вызывают материалы, посвященные жизни и деятельности ее представителей: активно ведущаяся в настоящее время работа над Энциклопедическим словарем, изучение документов (в том числе и тех, на которых долгие годы стоял гриф «секретно») показывают, что мы мало знаем о замечательных музыкантах — исполнителях, композиторах, музыковедах — как ныне живущих, так и уже ушедших от нас. Сохранение памяти о тех, чьи лики, еще не успевшие покрыться «архивной пылью», могут запечатлеть для истории музыкального Петербурга их ученики, коллеги, друзья, — представляется делом исключительной важности.

Предлагаемый очерк посвящен Изе Давыдовне Ханцин — пианистке, прекрасному музыканту, человеку интересной и драматичной судьбы.

В который раз убеждаешься в справедливости мысли о том, что человек жив, пока его помнят! Вот уже четверть века, как ее нет с нами, а едва ли не каждый день возникает повод вспомнить эту необыкновенную, совершенно неординарную женщину, во внешнем облике которой чувствовалось нечто «есиповско-ахматовское»,

выдававшее в ней художественную личность «закваски» 1920-х годов: гордая посадка головы, сохранявшаяся до последних лет стройность осанки, особая манера речи и пр. Приведенная параллель с «великими» — отнюдь не следствие идеализации образа близкого человека: Иза Давыдовна и в самом деле была «родом из 1920-х», и именно из той художественной среды, с которой связаны блистательные имена деятелей культуры Серебряного века. Не случайно в ряде посвященных им публикаций последних лет, основанных на новых фактах, упоминается и ее имя [2, 4, 5, 8]; контекст этих источников позволяет судить о весьма близких взаимоотношениях И.Д. Ханцин с поэтами, художниками и, конечно, музыкантами.

Сама Иза Давыдовна (по понятным в советские годы причинам) лишь в общении с наиболее близкими друзьями и учениками приоткрывала завесу над некоторыми страницами своей жизненной и творческой биографии. Вместе с тем, она отдавала себе отчет в том, что драгоценные реликвии, бережно хранимые ею на протяжении всей жизни, не должны бесследно исчезнуть; поэтому часть из них при содействии друзей-литераторов уже при жизни была опубликована. Так, в журнале

«Russian Literature» за 1977 год была напечатана статья А. Григорьева и И. Петровой, в которой приведены устные воспоминания И. Д. Ханцин о поэте, а также воспроизведена почтовая открытка О. Э. Мандельштама к ней с нотной цитатой из фортепианной Сонаты Р. Шумана, под которой надпись: «Эту музыкальную фразу, весьма коряво здесь начертанную, и еще очень многие хотелось бы услышать от Вас [Зима 1930/31 гг.]» [3, с. 187].

В 1989 году (спустя 4 года после кончины И. Д. Ханцин) в Рукописный отдел Российской национальной библиотеки поступил ее архив, на пользование которым до недавнего времени было наложено ограничение. Знакомство с ним показало, что даже для тех, на чьих глазах прошла полувековая (с конца 1920-х до начала 1980-х годов) педагогическая и концертная деятельность замечательной пианистки в Ленинградской–Петербургской консерватории, многие обстоятельства ее жизни по сей день оставались неизвестными или представлялись весьма приблизительно.

Фонд И. Д. Ханцин в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки¹ включает 86 единиц хранения: личные и творческие документы, эпистолярный, фотоматериалы. Для воссоздания более целостной картины ее жизни и творчества в настоящем очерке избран хронологический принцип освещения документальных источников, введения их в контекст написанной ею в 1960-е годы для консерваторского личного дела Автобиографии.

«Я родилась в Ростове-на-Дону в 1899 году. Детство прошло в Керчи. С 7 лет начала заниматься музыкой у старшей сестры — учащейся Петербургской консерватории. В 1912 году поступила в Петербургскую консерваторию в класс О. К. Калантаровой². В 1917 году, прервав обучение, вернулась в Крым к родителям, где закончила среднее образование, и в 1918 году поехала учиться в Киев к Ф. М. Блуменфельду, приехавшему туда из Петербурга. Уроки Ф. М. Блуменфельда принесли мне огромную пользу и явились важнейшим этапом в моем музыкальном воспитании»³.

В начале 1920-х годов в Ростове-на-Дону, куда И. Д. Ханцин переехала вместе с родителями, началась ее артистическая и педагогическая деятельность. Среди афиш ее концертных выступлений сохранилась программа упоминаемого ею в Автобиографии «первого Klavierabend'a», состоявшегося 4 января 1923 года в Государственном Практическом Музыкальном институте (консерватории), где она преподавала: в 1-м отделении были исполнены произведения К. Дебюсси, М. Равеля, Н. К. Метнера, во 2-м — поздние сочинения А. Н. Скрябина (пьесы ор. 57–74 и 7-я соната)⁴.

¹ ОР РНБ. Ф. 1138.

² Калантарова Ольга Калантаровна (1877–1952). Окончила Петербургскую консерваторию в 1902 году, по классу А. Н. Есиповой, преподавала на кафедре специального фортепиано (1903–1950)

³ И. Д. Ханцин. Автобиография // ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 20.

⁴ Там же. Ед. хр. 16.

Архивные документы позволяют более подробно осветить этот начальный этап ее жизни и, в частности, понять — почему, наряду с музыкой, в ее жизнь глубоко и навсегда вошла литература, почему она всегда была «своим» человеком в писательском мире. Один из самых интересных и ценных документов личного фонда И. Д. Ханцин — ее «Воспоминания об Осипе Эмильевиче Мандельштаме», написанные в 1970-е годы; преамбула указывает на то, что текст предназначался для выступления на вечере памяти поэта (процесс «легализации» подобных мероприятий, так же как и постепенный выход произведений поэта из режима «самиздата», как известно, приходится на это время).

Воспоминания о О. Э. Мандельштаме представляют собой 2 листа-автографа и 5 листов машинописной рукописи с ее личной подписью. Машинопись — это «наговоренный», имеющий законченный характер, текст с редакционной правкой самой Изы Давыдовны. Два рукописных листа — эскизные, предварительные наброски

данного текста; их можно было бы не рассматривать в качестве самостоятельных источников, если бы не одна деталь — в них излагается факт, не нашедший отражения в машинописной рукописи, а именно — ее первая встреча с поэтом в 1912 году в Коктебеле.

Можно предположить, что собеседник Изы Давыдовны (его присутствие в качестве фиксирующей рассказ стороны очевидно по некоторым деталям внешнего вида документа) убедил ее в том, что этот «детский» эпизод не заслуживает специального внимания для характеристики О.Э. Мандельштама. Видимо, поэтому машинописный текст, рассматриваемый как окончательный вариант, начинается словами: «Знакомство мое с Осипом Эмильевичем Мандельштамом состоялось в Киеве в 1919 году»⁵.

Действительно, два от руки написанных листа «высвечивают» в большей степени поэтический образ самого автора мемуаров в пору ранней (13 лет) юности, нежели героя ее воспоминаний. Однако сама Иза Давыдовна очень тонко дифференцировала характер своего общения с поэтом, назвав в первом случае его встречей, во втором (машинописном) — знакомством.

«О.Э. Мандельштама я встретила впервые в 1912 году в Коктебеле, куда я попала из Феодосии, где гостила в то время у моей подруги, тоже — пианистки. Ее родственники повезли нас собирать коктебельские камешки на пляже, на котором был почти игрушечный домик — кафе „Бубны“. Там за столиком сидел в одиночестве молодой человек — загорелый, с засученными до колен панталонами, в большой соломенной шляпе. Лицо и вид его привлекали внимание каким-то своеобразием, сосредоточенностью. Вскоре к нему подошел человек еще более удивительный: кудрявый, полный, в длинной, до колен спущенной рубахе, и босиком. Это был Волошин. Родители моей подруги были с ним знакомы и представили его нам — девочкам лет по 12 и 13. И тут выяснилось, что одинокий сосредоточенный человек — поэт, которого я уже знала по сборнику „Камень“»⁶.

Примечательно, что здесь же по памяти, как своего рода «знак» поэтического облика О.Э. Мандельштама, сложившегося у нее уже тогда, в детстве, выписаны строки «Петербургских строф» из упоминаемого сборника «Камень»:

*Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель
И правовед опять садится в сани
Широким жестом запахнув шинель...»⁷*

⁵ ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 21. Л. 1.

⁶ Там же. О любимом занятии О. Мандельштама — собирать камешки на Крымских пляжах — см.: [2].

⁷ ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 21.

⁸ Щербачев Владимир Владимирович (1887–1952). Окончил Петербургскую консерваторию в 1912 году, класс теории композиции М.О. Штейнберга, фортепиано — у И. Бровки. Преподавал обязательное фортепиано (1912–1931) и композицию (1944–1948).

⁹ Тюлин Юрий Николаевич (1893–1978). Окончил Петербургскую консерваторию в 1917 году, класс теории композиции Н.А. Соколова. Преподавал в 1925–1967 гг.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 20.

¹¹ Там же. Ед. хр. 18.

Повествуя в Автобиографии далее о своей жизни, Ханцин пишет:

«В 1925 году я приехала в Ленинград, где работала сначала во 2-м музыкальном техникуме, затем (после его слияния с Центральным) — в переименованном 1-м музыкальном техникуме (до 1929 года). Попутно поступила в Ленинградскую консерваторию на композиторский факультет к В. Щербачеву⁸ и Ю. Тюлину⁹. В 1926 экстерном окончила фортепианное отделение»¹⁰.

Судя по имеющимся в архиве рекомендациям и характеристикам — ее непосредственного педагога О.К. Калантаровой, зав. кафедрой специального фортепиано Л.В. Николаева, директора филармонии и профессора консерватории дирижера Н.А. Малько, композитора В.В. Щербачева — уже тогда встал вопрос о зачислении Изы Давыдовны в преподавательский штат кафедры специального фортепиано Ленинградской консерватории. Единодушно отмечая ее артистическую одаренность, профессионализм и высокую культуру, авторитетнейшие музыканты Ленинграда не сомневались в необходимости и целесообразности ее перехода из среднего учебного заведения в вуз.

Из характеристики В.В. Щербачева:

«...Кроме наличия в ней большой одаренности и высокой музыкальной культуры, а, быть может, в зависимости именно от этих черт, Изе Давыдовне свойственно очень энергично откликаться на все живое и современное в нашем искусстве. Считаю как ее работу, так и пребывание ее в исполнительской, а особенно в педагогической среде общественно чрезвычайно полезным и желательным явлением, вносящим всегда живость и свежесть; не находясь сама в застывшем состоянии, она и других заражает энтузиазмом и артистичностью [...]. 7 ноября 1928 года»¹¹.

Н.А. Малько:

«Изу Давыдовну Ханцин я знаю несколько лет, это на редкость одаренный музыкант, современный в лучшем смысле слова. Полное владение техникой инструмента сочетается в ней с настоящим темпераментом артиста. Художественные и профессиональные свойства опираются на большую настоящую культуру. Мне известна успешная педагогическая и артистическая деятельность И.Д. Ханцин (в филармонии и Обществе друзей камерной музыки). Если в Консерватории действительно должны быть на исполнительском факультете

Класс проф. О. К. Калантаровой.

В первом ряду в центре сидят:
И. Д. Ханцин, О. К. Калантарова,
Э. А. Элинсон,
во втором ряду стоит Г. Ганкина

педагоги исполнители-артисты, а не только преподаватели, то в правах И. Д. Ханцин на должность педагога кафедры фортепиано не может быть никаких сомнений [...] 8 ноября 1928 года»¹².

О. К. Калантарова:

«Горячо рекомендую мою ученицу Изу Давыдовну Ханцин как высоко одаренную натуру. Она талантливая пианистка с ярко выраженной индивидуальностью, чуткий и культурный музыкант. Как педагог она достигает прекрасных результатов, считаясь с индивидуальностью каждого ученика и развывая в них живой интерес к делу [...] 7 ноября 1928 года»¹³.

Однако в состав консерваторской кафедры, возглавляемой Л. В. Николаевым, Иза Давыдовна вошла только в 1936 году после окончания аспирантуры (под руководством О. К. Калантаровой), где и проработала в течение 14 лет (до 1950 года) — сначала ассистентом О. К. Калантаровой, затем, с 1940 года, в должности доцента. (Звание доцента и кандидата искусствоведения ей было присвоено в 1946 году). Именно к этому времени восходят ее творческие и дружеские связи с выдающимися музыкантами-коллегами — О. К. Калантаро-

вой, М. В. Юдиной, В. В. Софроницким, Н. И. Голубовской, В. В. Нильсеном и др., сохранявшиеся до конца жизни.

На эти же годы выпадают и первые испытания, коих в дальнейшей жизни Изы Давыдовны было немало. В 1937 году был репрессирован ее муж Александр Осипович Моргулис — поэт, переводчик, друг О. Э. Мандельштама, посвятившего ему и Изе Давыдовне шуточный стихотворный цикл «Моргулеты»¹⁴. Успешно начавшаяся в консерватории деятельность в 1938 году внезапно (настолько неожиданно, что О. К. Калантарова не решается сообщить об этом «выпестованным» Изой Давыдовной талантливым ученикам, придумав отговорку о мнимой болезни их педагога) прерывается высылкой в далекий Самарканд.

Документальным фоном этого драматичного эпизода жизни Ханцин служат имеющиеся в ее архиве письма О. К. Калантаровой, сразу же начавшей ходатайствовать о возвращении ее в Ленинград, и Ю. Л. Вейсберг (жены А. Н. Римского-Корсакова)¹⁵.

Из письма О. К. Калантаровой от 4 февраля 1938 года:

«Я почему-то очень, очень надеюсь на ваше скорое возвращение. Хорошо бы Вам самой написать письмо Жданову¹⁶. Адресовать надо в Смольный. Николай

¹² ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ Моргулис Александр Иосифович (1895–1938) — [«Старик Моргулис» в шуточных виршах «Моргулеты» О. Мандельштама. — Г. Н.] — писатель, поэт, переводчик. Его образ ярко запечатлен в воспоминаниях Э. Герштейн [2].

¹⁵ Вейсберг Юлия Лазаревна (1880–1942), жена А. Н. Римского-Корсакова. В 1903–1907 училась в Петербургской консерватории у Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Глазунова. В 1907–1912 гг. жила в Германии, где занималась у М. Регера и Э. Хумпердинка.

¹⁶ Жданов Андрей Александрович (1896–1948), в 1934–1944 — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии.

Захарович¹⁷ сказал Николаеву, что нужен отзыв о Вас, и он дал прекрасный...

Сегодня Макси[милиан] Ос[еевич]¹⁸ [Штейнберг. — Г.Н.] сказал, что он говорил о Вас с тов. Успенским¹⁹, который работает в Ташкенте...»²⁰.

Четыре пространных письма Ю.Л. Вейсберг, отправленных в 1938–1939 гг. в Самарканд, в высшей степени интересны, с одной стороны, как документы, характеризующие трудные условия жизни оторванной от родной среды Изы Давыдовны; с другой — как ценный источник для понимания самой Юлии Лазаревны — талантливейшего музыканта, глубоко незаурядной личности. Характер этих писем (бережно сохраняемых адресатом в течение почти полувека — часть из них написана карандашом) свидетельствует об исключительной духовной близости обеих женщин.

Проявляя о И.Д. Ханцин и ее 5-летнем сыне постоянное беспокойство, Ю.Л. Вейсберг посылала в Самарканд деньги, лекарства, продукты и вещи, искала в Ленинграде и в далеком Узбекистане каналы связи, которые помогли бы скорейшему возвращению Изы Давыдовны домой. Будучи сама натурой творчески деятельной, она всячески старалась — даже на расстоянии — активизировать в этом отношении своего друга; прислала ей свой перевод книги «Музыканты наших дней» Р. Роллана, а муж Вейсберг, Андрей Николаевич Римский-Корсаков (музыковед), подарил только что законченный четвертый выпуск монографии о своем отце «Жизнь и творчество Н.А. Римского-Корсакова».

Из письма Ю. Л. Вейсберг от 31 марта 1938 года:

«Об Вас я беспрестанно вспоминаю. Во время спешки с работой мне пришлось парочку ночей вообще не спать, и я в тишине ночной особенно сильно о Вас думала и вела длинные мысленные беседы [...]. Кстати: не можете ли Вы устроиться там на радио? Наверное, там нет таких музыкантов, как Вы, а эта работа более живая»²¹.

Из письма от 22 апреля 1938 года:

«Родная моя Изочка, как я по Вас скучаю! Когда лежишь днями в постели (я поправляюсь, но ослабела) и не можешь работать, как сейчас [...], то скисаешь совсем, и всякие „неудовлетворения“ — прошлые, настоящие и будущие — разъедают душу. Так хочется иметь близкое, чуткое и теплое существо рядом [...]. Изочка, не можете

ли Вы привести в порядок Ваши детские пьесы? [...] Соприкасаетесь ли с местными народными музыкантами, записываете ли что-нибудь из мелодий? Пишу, а сама поглядываю на диванчик, точно спрашивая Ваш воображаемый образ! Я твердо верю, что скоро и в действительности Вы там будете сидеть и курить, а пока крепко и горячо целую»²².

Из письма от 24 сентября 1938 года:

«Родная, до чего хочется чем-нибудь помочь Вам [...]. Ужасно больно, что Вы не можете применить настоящей своих сил. Умоляю, когда у Вас будет хотя бы пианино типа кастрюли, займитесь писанием детских фортепианных пьес: в этом очень нуждаются, и даже мне предлагали, но я не взялась. Запишите те 3, которые Вы сочинили, прибавьте еще одну и пошлите мне; в случае надобности я приведу в порядок и сама уж буду продвигать дальше. Вообще, обратите внимание на эту сторону. Наверное, Вам приходится узбекские народные мелодии там слышать: используйте их для пьесок. Эта работа даст Вам и удовлетворение, и деньги»²³.

Вернувшись в 1939 году (после получения из Прокуратуры известия о смерти мужа) в Ленинград, потерявшая (как и большинство людей в той ситуации) свою квартиру, Иза Давыдовна в течение одного года жила в семье А.Н. Римского-Корсакова и Ю.Л. Вейсберг. До конца жизни она хранила память о них, как о самых дорогих ей людях и поддерживала близкие отношения с другими родственниками этой семьи, ценившими в ней замечательный талант и человеческие качества (Многие письма и открытки, адресованные разными членами семейства Римских-Корсаковых к И.Д. Ханцин содержат просьбы-приглашения «устроить Klavierabend»).

Среди наиболее ценных материалов архива И.Д. Ханцин представлены два музыкальных автографа с владельческой подписью: музыкальная фраза из оперы «Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова с подписью автора²⁴ и музыкальная фраза из Прелюдии ор. 48 А.Н. Скрябина²⁵. История приобретения этих раритетов изложена в ее неопубликованных «Воспоминаниях об Андрее Николаевиче Римском-Корсакове», написанных в 1978 году (к 100-летию со дня его рождения). В них, в частности, говорится, что автограф А.Н. Скрябина был поднесен ей Андреем Николаевичем после концерта

¹⁷ Хейфец Николай Захарович (1888–1942) — профессор Ленинградской консерватории (преподавал инструментовку). В 1910 окончил консерваторию по классу тромбона (у П. Волкова), в 1916 — по классу композиции (у Я. Витола и М. Штейнберга).

¹⁸ Штейнберг Максимилиан Осеевич (1883–1946). Окончил Петербургскую консерваторию (1908) по классу теории композиции у Н.А. Римского-Корсакова. Преподавал (1908–1946) теорию композиции и инструментовку.

¹⁹ Успенский Виктор Александрович (1879–1949). Окончил Петербургскую консерваторию (1913), композитор, профессор Ташкентской консерватории, нар. арт. Узбекской ССР, нар. арт. Туркменской ССР.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 31.

²¹ Там же. Ед. хр. 28.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ед. хр. 59.

²⁵ Там же. Ед. хр. 60.

Иза Давыдовна Ханцин и ее современники

из произведений этого композитора. В этих «Воспоминаниях», написанных живо и искренно, содержится множество деталей, дополняющих интересными штрихами облик сына великого композитора: его пристрастия в живописи, литературе, науке; восторженное отношение к природе:

«Последнюю его осень 1939 года мы часто ездили в загородный парк. Как он любил природу, как радовался каждому листочку, каждому деревцу, освещенному солнцем!»²⁶

Только по-настоящему близкий человек может воспроизвести подлинный характер семейной атмосферы художника, столь же важной для понимания его облика, как и другие стороны его бытия.

«У них в семье всегда были споры о музыке, о литературе. Его жена Юлия Вейсберг была очень талантливым композитором, вообще — богато одаренной натурой. Например, она великолепно перевела „Музыканты наших дней“ Романа Роллана и других французских авторов. [...] Их сын Всеволод блестяще был одарен литературно и музыкально; совсем юным был принят в Союз писателей в секцию переводчиков, писал стихи, прекрасно владел фортепиано. Он был моим постоянным партнером по игре в четыре руки. По вечерам все мы [...] собирались в кабинете Андрея Николаевича и музицировали. [...] Переиграли почти все симфонии Моцарта, Бетховена, Бородина, Римского-Корсакова и др. Пронзительный слух А. Н. не прощал нам случайных фальшивых нот — нам здорово за них попадало! В ту пору, живя у них, я готовилась к концерту из произведений Скрябина. На этих импровизированных вечерах я постоянно играла solo. А. Н. очень тонко разбирался в исполнительстве, его замечания я до сих пор вспоминаю с большой благодарностью, его похвала была для меня высшим вознаграждением»²⁷.

Этот «корсаковский» круг подарил И. Д. Ханцин на долгие годы близкое общение с семьей Михаила Фабияновича Гнесина (ученика Н. А. Римского-Корсакова и друга его сына Андрея Николаевича) и его женой Галиной Маврикиевной Гнесиной-Ванькович. В архиве Изы Давыдовны хранятся их письма и фотографии, в личной библиотеке — множество книг с дарственными надписями. Примечательно, что в продолжающейся между И. Д. Ханцин и Г. М. Гнесиной-Ванькович почти четыре десятилетия сердечной переписке, фигурирует постоянный круг имен семейства Римских-Корсаковых — Надежда Николаевна и Надежда Максимилиановна

Штейнберг (дочь и внучка композитора), Ольга Михайловна и Георгий Михайлович Римские-Корсаковы (дети сына Н. А. Римского-Корсакова, Михаила Николаевича, профессора-энтомолога Лесотехнической академии, по учебникам которого занимаются до сих пор).

Отдельный «сюжет» этой содержательной переписки — личность Марии Вениаминовны Юдиной²⁸. В 1978 году, в пору подготовки к изданию книги о замечательной пианистке [6], Г. М. Гнесина советуется с Изой Давыдовной о том, стоит ли давать составителю этого сборника все письма Марии Вениаминовны к Михаилу Фабияновичу, размышляет о том, как бы он сам отнесся к этому. Неоднократно отмечается: «В них много и о Вас». В итоге эти письма (с купюрами) были опубликованы — И. Д. Ханцин упоминается в них, как музыкант, очень высоко ценимый М. В. Юдиной. Вместе они обсуждали программы предстоящих выступлений Марии Вениаминовны²⁹.

Можно лишь сожалеть о том, что среди материалов этой книги нет письма самой Галины Маврикиевны Гнесиной, которая 1 декабря 1970 года делилась с Изой Давыдовной болью утраты от кончины выдающейся пианистки; мысленно охватывая 30-летний период своего общения с ней, повествуя о последних днях жизни М. В. Юдиной, она горестно сетует о том, что «...ничего нигде о Марии Вениаминовне не пишут и, конечно, не напишут. Ведь ей не было равных»; в конце заключает: «Дорогая, простите, что эту печаль Вам сообщаю, но ВАМ [многозначительно подчеркнуто. — Г. Н.] не могла не написать»³⁰.

С 1941 по 1944 год И. Д. Ханцин вместе с консерваторией находилась в эвакуации в Ташкенте. Архивные документы этого периода, помимо профессиональной деятельности, отражают ее продолжающиеся литературные контакты. Видимо, к этому времени относится ее знакомство с находившейся там А. А. Ахматовой: среди документов архива — сборник стихов А. А. Ахматовой, изданный в 1943 году в Ташкенте, с дарственной надписью: «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает» ... Иза Ханцин — дружески Ахматова. 12 февр. 1944 года»; рукописная тетрадь (списки) произведений поэтессы 1934–58 гг.: «Пролог», «Подвал памяти» и др. (всего 9 наименований); фотография дома в Ташкенте, где А. А. Ахматова жила в эвакуации в 1942–43 гг.; снимок, на котором А. А. Ахматова с Б. Л. Пастернаком, и, наконец, портрет поэтессы с дарственной надписью, многие годы висевший (вместе с авторизованными портретами О. К. Калантаровой и В. В. Софроницкого), в квартире Изы Давыдовны над роялем³¹.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 22.

²⁷ Там же.

²⁸ Мария Вениаминовна Юдина (1899–1970). Училась в Петербургской консерватории (1912–1921) по классам фортепиано (О. К. Калантаровой, А. Н. Есиповой, В. Н. Дроздова, Ф. М. Блуменфельда), органа (И. И. Гандшина), дирижирования (Н. Н. Черепнина), теории композиции (М. О. Штейнберга).

²⁹ Там же. С. 350, 352.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 30.

³¹ Там же. Ед. хр. 54.

В. Д. Берестов³² в своей статье, посвященной разносторонней деятельности вдовы Мандельштама Надежды Яковлевны по пропаганде наследия поэта, упоминает о выступлении на этих Чтениях И. Д. Ханцин [1]. Это вполне закономерно: трагическая судьба мужей способствовала укреплению возникшей между двумя женщинами еще в юности дружбы и объясняет, почему мандельштамовская «аура» сопровождала И. Д. Ханцин на протяжении всей ее жизни³³.

Литературный ряд тех, с кем она находилась в дружеских контактах, может быть дополнен именами Надежды Александровны Павлович — поэтессы, переводчицы, близкой к А. А. Блоку в последний период его жизни³⁴, Б. М. Эйхенбаума³⁵, Е. Г. Эткинда³⁶ и др. Их письма, стихи, фотографии с дарственными надписями составляют специальный раздел фонда И. Д. Ханцин в РНБ.

Небольшая, но также весьма интересная часть архива представлена композиторскими опусами И. Д. Ханцин. В основном, это небольшие пьесы для фортепиано, явно несущие на себе отпечаток стиля боготворимого ею А. Н. Скрябина, а также несколько вокальных произведений. Среди них — упоминаемые Ю. Л. Вейсберг «Детские пьесы». Сама Иза Давыдовна не придавала им особого значения и даже не упоминала об этих юношеских произведениях. Однако занятия композицией под руководством такого замечательного музыканта, как В. В. Щербачев, не прошли даром: в ее исполнительской манере явно присутствовал момент, который часто отличает игру композиторов-исполнителей — особая свобода и импровизационность изложения музыкального материала³⁷.

После 1940 года текст служебной «Автобиографии», написанной Изой Давыдовной, представляет собой протокольный отчет о педагогической и исполнительской работе. Между тем, соотнесение документов рассматриваемого фонда И. Д. Ханцин в РНБ с ее «Личным делом», хранящимся в архиве Санкт-Петербургской консерватории, позволяют окончательно прояснить вопрос о судьбе пианистки. Трагические события 1938 года (высылка в Самарканд) оказались той чертой, которая разделила жизнь Изы Давыдовны Ханцин на два неравноценных в творческом отношении периода.

В 1950 году в связи с «сокращением контингента студентов» (как гласит запись в ее «Личном деле») она была переведена с кафедры специального фортепиано на кафедру общего курса фортепиано (ОКФ), что, конеч-

но, сразу же ограничивало ее возможности как педагога и исполнителя. Изменить в то время ситуацию не смогло ничто: ни повторная блестящая аттестация В. В. Щербачева, ни характеристика Г. Г. Нейгауза (работавшего в Ленинградской консерватории в 1945–46 гг., у которого Иза Давыдовна была ассистентом)³⁸, ни полученное в 1964 году Аттестационное удостоверение артиста. Подлинная причина этого «зигзага судьбы» состояла, разумеется, не в уменьшении количества студентов, а совсем в другом; вряд ли нуждается в комментарии документ, до получения которого она пребывала в статусе *неблагонадежного* человека — выданная лишь в 1960 году (!) справка «Об отмене административной высылки и о реабилитации И. Д. Ханцин-Моргулис»³⁹. Можно понять, почему в этом интеллигентнейшем, исключительной душевной щедрости и жизнелюбия человеке, необычайно открытом людям и художественным впечатлениям, глубоко в душе жила горечь по поводу своей не полной творческой реализованности. Музыка, постоянные размышления о ней и пребывание в ее стихии составляли единственное содержание ее жизни до последних дней. Приведу строки из письма с Балтийского побережья (Усть-Нарвы), где Иза Давыдовна всегда проводила летние месяцы; оно написано за полгода до ее кончины:

«Очень восторгаюсь и дружу с природой, радует каждый кустик, листик, облака, небо, которое я здесь вижу всегда. А море — это так чудно! Оно звучит, злится, с яростью набрасывается на пляж, потом оно серебрится, застывает устало, а какой идет от него аромат! [...] Сейчас моя беспокойная душа как-то ужомонилась [...]. Прочла много здесь чего: Достоевский в воспоминаниях современников, Короленко, а сейчас Бунин — чудно! [...] Тоскую я страстно по музыке. Все пою и кое-что восстанавливаю в голове, не играя [...]. Ночью во сне играю сладостно, прсыпаюсь тогда счастливая»⁴⁰.

Но как же повезло, начиная с 1950 года, студентам-музыковедам и композиторам (с которыми она отныне стала заниматься), попадавшим по *общему курсу фортепиано* (ОКФ) к ней в класс! С первых же занятий мы оказывались в атмосфере, которая давала ощущение причастности к самому высокому искусству. Каждое произведение изучалось не только как *текст*, но и в *контексте* — исполнительском и общехудожественном. Показывалось, как это звучало у В. В. Софроницкого,

³² Берестов Валентин Дмитриевич (1928–1998) — писатель, поэт, переводчик, автор воспоминаний об О. Э. Мандельштаме [1].

³³ Одному из учеников Изы Давыдовны — болгарскому аспиранту Лучезару Каранлыкову (ныне профессору Софийской консерватории) — доводилось в 1960-е годы присутствовать при ее встречах с А. А. Ахматовой и Н. Я. Мандельштам, о чем он рассказывал сокурсникам.

³⁴ Павлович Надежда Александровна (1895–1980) — поэтесса, автор воспоминаний об А. Блоке [7].

³⁵ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед, текстолог, доктор филологических наук. В 1909 году оставил профессиональные занятия музыкой, чтобы полностью посвятить себя филологии.

³⁶ Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) — литератор, переводчик, специалист по русской и французской литературе.

³⁷ Эти особенности ее исполнительской манеры отмечались рецензентами.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 12.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Из письма И. Д. Ханцин к Г. Некрасовой от 1 августа 1983 года (личный архив Г. А. Некрасовой).

М.В. Юдиной, Г.Г. Нейгауза, нередко исполнение сопровождалось стихотворными комментариями из Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, А.А. Ахматовой...

Безнадежными, большей частью, были наши попытки повторить то, что показывала за вторым роялем Иза Давыдовна, но в сознание (как образ) это внедрялось уже навсегда. Нам искренно завидовали сокурсники и знакомые, когда мы «выдавали» полученную на этих занятиях информацию об интерпретации «Французских сюит» И.С. Баха и Сонат В.А. Моцарта, «Танцев Давидсбюндлеров» Р. Шумана и Девятой сонаты А.Н. Скрябина — ею самой и тех выдающихся исполнителей, кого она близко знала.

Мы ходили, как именинники после ее сольных концертов в Малом зале им. А.К. Глазунова Ленинградской консерватории, который зачастую не вмещал всех желающих: среди ее многочисленных постоянных слушателей было немало людей из литературного и художественного мира, приходивших специально послушать ее А.Н. Скрябина и Р. Шумана, ее К. Дебюсси и Ф. Пуленка. Мы гордились тем, что являлись учениками (а это почти всегда означало — и *друзьями*) такого замечательного человека и педагога, у которого мы учились не только музыке...

Ушла из жизни Иза Давыдовна Ханцин в 1984 году, не дожив полгода до своего 85-летия.

Литература

1. Берестов В.Д. Мандельштамовские чтения в Ташкенте по время войны. О Н.Я. Мандельштаме. Режим доступа: URL: <http://dozor.narod.ru/writers/berestov/reading.html> (дата обращения: 05.06.2011).
2. Герштейн Э. Новое о Мандельштаме: [Из воспоминаний] // Наше наследие. 1989. № V. С. 101–124.
3. Григорьев А., Петрова И. Мандельштам на пороге 1930-х // Russian Literature. 1977. № V-2.
4. Осип Мандельштам «Полон музыки, музы и муки...»: Стихи и проза / Сост., вступит. статья и коммент. Б.А. Каца. СПб.: Сов. композитор, 1991. 144 с.
5. Мануйлов В.А. Анна Андреевна Ахматова // Записки счастливого человека. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 215–315.
6. Мария Вениаминовна Юдина: статьи, воспоминания, материалы / Ред. С.В. Аксюк; сост., авт. примеч. А.М. Кузнецов, авт. предисл. Г.М. Коган. М.: Сов. композитор, 1978. 416 с.
7. Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке / Вступ. заметка З.Г. Минц, комм. З.Г. Минц и И.А. Чернова // Блоковский сборник: Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1964. С. 446–506.
8. Располчина Н. «Александр Дубянский. Музыкант превосходный, единственный...» // Чайка. Seagull Magazine. № 5 от 19 сентября 2003 г. Режим доступа: URL: <http://www.chayka.org/node/122> (дата обращения: 05.06.2011).

Iza HANTSIN Remembering Mandelstamm

Personal memoirs of the pianist I. Hantsin about the poet O. Mandelstamm.

Key words: Iza Hantsin, O. Mandelstamm, memoirs.

Иза ХАНЦИН Воспоминания о Мандельштаме

Личные воспоминания пианистки Изы Ханцин о поэте Осипе Мандельштаме.

Ключевые слова: Иза Ханцин, Мандельштам, воспоминания.

Мемуары — не мой жанр, но болезнь помешала мне выступить и рассказать о Мандельштаме так, как хотелось бы, поэтому я прошу простить меня за эскизность моих заметок. Но хотя бы в нескольких словах мне хочется охарактеризовать этого человека.

Знакомство мое с О.Э. Мандельштамом состоялось в Киеве, в 1919 году. Сначала я встречалась с Надеждой Яковлевной Хазиной [будущей женой поэта. — Г.Н.], с семьей которой очень дружила, — Осип Эмильевич появился несколько позже. Киев тогда был «проход-

ным городом», в котором скопились люди, бежавшие из голодных Москвы и Петрограда. Было в Киеве кафе, называвшееся ХЛАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты), куда стекались все люди искусства — там мы и встретились с Мандельштамом. Но знакомства были тогда непрочны (власть постоянно менялась): мы не знали, что будет завтра — кто-то уходил с белыми, кто-то с красными, кто-то скрывался или бежал за границу.

В начале 1920-х годов я уехала в Ростов, где жили родители. Там началась моя деятельность [педагогиче-